

прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего)». Именно этому Евангелию решил довериться Достоевский в свой смертный час, и он в

²³ А. Г. Достоевская. Воспоминания. М., «Правда», 1987. С. 396.

последний раз, **наудачу**, открыл книгу, которая сказала ему те самые, роковые слова: «не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду»^{23*}. Именно это Евангелие

Достоевский распорядился отдать своему сыну-наследнику.

Именно этот экземпляр Евангелия описывает Достоевский в «Преступлении и наказании»; и выходит, что Лизавета дала Соне, по ее просьбе, Евангелие Достоевского, подаренное Фонвизиной, а потом Соня молча принесла святую книгу в острог, по просьбе каторжника. Значит, именно оно раскрыто перед Соней, читающей Раскольникову «про Лазаря». «Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» (6; 248).

Склеенные страницы, которые иной фарисей счел бы порчей сакрального предмета, в глазах Достоевского — неотразимый аргумент добра и любви. И был еще один аргумент — когда Фонвизина смогла навестить в Тобольском остроге Петрашевского. «На меня вдруг напала такая жалость, такая тоска о несчаст-

²⁴ Цит. по: М. М. Громыко. Сибирские друзья и знакомые Ф. М. Достоевского. С. 76.

ном, так живо представилось мне его горькое, безотрадное положение, что я решилась подвергнуться всем возможным опасностям, лишь бы дойти до него»²⁴. И она, зашив в ладан-

ке 20 рублей серебром и образок, отправилась в острог к обедне, под предлогом раздачи милостыни пробралась в тюремную больницу и увиделась-таки с больным Петрашевским (от которого узнала о причастности своего старшего сына к крамольному кружку). Она смогла пробраться и в другую камеру, и четверо узников — Спешнев, Григорьев, Львов и Толль — вскочили с нар при ее появлении. «Я уселась вместе с ними и, смотря на эту бедную молодежь, слезы мои,

²⁵ Там же.

долго сдержанные, прорвались наружу — я так заплакала, что и они смугились и принялись утешать меня»²⁵. Позже

Фонвизина писала брату мужа о своих тобольских беседах с Дуровым и Достоевским: «Господь такую нежную материнскую любовь к ним влил в мое сердце, что и на их сердцах это отразилось»²⁶.

²⁶ Там же. С. 79.

Жалость, нежность, а также спасительная кредитка между страницами Евангелия, ладанка с зашитыми в ней деньгами и образком — это образы любви, как ее понимала глубоко религиозная Фонвизина. А «крошечный серебряный образок на шнурке, из тех, какие носят иногда вместе с нательным крестом», привезенный из Киева, от мощей Варвары-великомученицы, который в отчаянную минуту надевает Мите Карамазову на шею мадам Хохлакова, желающая его «спасти» и «благословить на новую жизнь и на новые подвиги» (14; 349), — становится в руках маловерной дамы изощренным издевательством над несчастным просителем. Когда Хохлакова надевает образок Мите на шею, и Митя «в большом смущении» «принагнулся и стал ей помогать и наконец вправил себе образок чрез галстук и ворот рубашки на грудь» (там же), — это выглядит, как насилие.

* Ср.: «Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3: 15).